

всѣмъ непонятно. Пусть, напримѣръ, я купилъ ружье—оно стало моею собственностью, но отсюда никакъ не слѣдуетъ чтобъ я *долженъ* былъ стрѣлять изъ него, а тѣмъ менѣе, увеличивать или улучшать его.

Пусть не примутъ этотъ разборъ опредѣленія графа Толстаго за придирку съ моей стороны. „Слова имѣютъ всегда ясное значеніе до тѣхъ поръ пока мы умышленно не дадимъ имъ ложный смыслъ“, и вотъ для устраненія этой неясности и умышленнаго искаженія смысла связаннаго со словомъ *собственность* графъ Толстой и даетъ свое новое опредѣленіе; изъ этого опредѣленія оказывается, что не только отдѣльные предметы указанные мною не могутъ быть моею собственностью, но что собственности не существуетъ, такъ какъ единственная „*собственность* для каждаго человѣка онъ самъ“.

И такое опредѣленіе по мнѣнію графа Толстаго должно быть справедливѣе и яснѣе того, которое дается и наукой и положительнымъ закономъ? Но пусть попробуетъ онъ объяснить крестьянину, у котораго украли лошадь что собственность для каждаго человѣка только онъ самъ или спросить у него какое предложеніе ему понятнѣе, лошадь—моя, или я—мой.

Въ исторіи нравственныхъ и политическихъ ученій не разъ были попытки доказать, что собственности *не должно* быть, но до гр. Толстаго